

Модуль I. Лекция 8. Синтаксическая стилистика

План

1. Синтаксическая синонимия
2. Инверсия
3. Переосмысление, или транспозиция синтаксических структур

1. Синтаксическая синонимия

Синонимия является наименее изученной областью языкознания как в лексике, так и в грамматике, а особенно в синтаксисе. Благодаря многочисленным работам, появившимся в последнее время и посвященным отдельным частным вопросам грамматической синонимии, в настоящее время можно сказать, что разработка этого вопроса дала многое как в теоретическом, так и в практическом планах.

Синонимика является одним из источников обогащения языка выразительными средствами, поэтому она представляет особый интерес для разработки проблем, связанных с борьбой за культуру речи, с изучением языка и стиля художественной литературы и публичных выступлений, с задачами построения стилистики.

В связи с этим изучение лексико-фразеологической, грамматической и синтаксической синонимии приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Знание синонимии дает возможность объяснить направление развития языка, пути и способы изменения различных его сторон, а также облегчает доступ к богатствам выразительных средств речи, позволяет представить их в системе, что особенно необходимо при изучении иностранного языка.

В данной работе делается попытка описания некоторых синонимических рядов современного английского языка, состоящих из синтаксических конструкций «вторичной предикации» и придаточных предложений.

Понятие синонимии в языке исходит из лексикологии, где это явление было изучено подробно. Однако в последнее время этот термин стал употребляться в фонетике, грамматике и синтаксисе. Хотя термин синтаксическая синонимия и получил признание в лингвистической литературе, трактуется он далеко не однозначно. Рассмотрим кратко трактовку синтаксической синонимии различными лингвистами.

Впервые термин «грамматические синонимы» был употреблен А.М. Пешковским. Рассматривая вопрос о грамматической синонимии, он дает ей определение так: «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу». Его интересовало то, какими языковыми средствами может быть выражена одна и та же мысль. В основе его определения – близость разных конструкций по грамматическому значению.

Грамматические синонимы делятся А.М. Пешковским на две группы: а) морфологические, б) синтаксические. Кроме того, он замечает, что стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и

значительнее, чем в морфологии. В синтаксические синонимы А.М. Пешковским включаются различные случаи сближения по значению всевозможных грамматических форм (времен, наклонений), различные схемы построения предложения, предлоги и союзы, а также возможность замены имени существительного местоимением.

В дальнейшем в работах профессоров Е.М. Галкиной-Федорук, Г.И. Рихтер, А.И. Гвоздева, И.М. Ковтуновой, В.П. Сухотина, Е.И. Шендельс, В.Н. Ярцевой и других дается трактовка понятию синонимии в языке, особенно в синтаксисе. В результате вырабатываются определенные классификации синонимических конструкций. Выделяются синонимы на различных уровнях: морфологическом, лексическом, словосочетаний, простого предложения, сложного предложения, словообразования.

Рассмотрим следующие характеристики понятия синтаксической синонимии у различных авторов: определение, критерии синонимичности синтаксических конструкций, классификация, а также понятия синонимического ряда и синтаксического поля. Рассмотрение различных определений, предлагаемых лингвистами, указывает на то, что все они содержат указание на общее значение, которое может прослеживаться в сравниваемых конструкциях.

В.П. Сухотин определяет С.С. как «такие различающиеся по структуре соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности». Некоторые исследователи при определении С.С. берут за основу то близость грамматического значения или сходные синтаксические отношения, то одно и то же содержание или тождественное общесмысловое значение. Примером этому могут служить следующие определения:

«Синтаксическими синонимами как словосочетаний, так и предложений мы считаем такие конструкции, в которых содержится тождественное общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованных, однако способных замещать одна другую, например, в словосочетаниях: отцовский дом, дом отца; человек с кривым носом, кривоносый человек...» или «синтаксические синонимы – это любые синтаксические единицы, построенные по различным моделям, но обозначающие сходные синтаксические отношения».

При анализе синтаксических синонимов ими рассматриваются предложения с различным порядком слов: предложения с прямым и инвертированным порядком слов, различные позиции членов предложения в составе предложения, словосочетания с различным возможным расположением их компонентов. На материале русского языка на возможность комбинирования в перестановках членов предложения указывал А.М. Пешковский. Он считал свободный порядок слов «главной сокровищницей синтаксической синонимии русского языка». Однако

данные утверждения не нашли доказательства в его работе «Отношения различного словорасположения в предложении и синтаксической синонимике». Не находим у него также критерии установления С.С. Очевидно следует согласиться с И.М. Жилиным в том, что подобные предложения, различающиеся порядком слов, нельзя считать С.С.

Исходя из вышеизложенных определений С.С., можно согласиться с определением, данным этому явлению И.М. Жилиным: «Синтаксические синонимы – это модели таких синтаксических конструкций (предложений, оборотов, словосочетаний и различных предложено- именных сочетаний), которые имеют тождественные или близкие смысловые значения, обладают адекватными грамматическими значениями, выражают сходные синтаксические отношения и способны в определенных условиях контекста к взаимозамене».

Каковы же критерии синонимичности синтаксических конструкций? На этот вопрос мы не можем ответить однозначно, т.к. находим иногда совершенно противоположные точки зрения по обсуждаемой теме. Так профессор Ярцева В.Н. считает основанием для выделения С.С. «сходство грамматического значения и структурную близость», профессор Е.М. Галкина-Федорук выделяет следующие основные признаки:

- 1) смысловую общность, обусловленную совпадающим лексическим значением большинства слов, входящих в синонимические конструкции;
- 2) возможность взаимозамены на основе смысловой общности;
- 3) различная грамматическая оформленность, не только в отношении употребления различных форм частей речи, но и различных частей речи.

Более правильной и признанной точкой зрения по этому вопросу считается мнение В.П. Сухотина: «... одним из наиболее важных объективных признаков синонимичности тех или иных синтаксических образований является возможность взаимозамен без нарушения основного значения сопоставляемых сочетаний. Взаимозаменяемость синтаксических конструкций – весьма существенный показатель синонимичности, хотя возможности такого рода взаимозамен ограничены». Таким образом, взаимность замены одной синтаксической конструкции другой выделяется В.П. Сухотиным в основной признак синтаксических синонимов и вводится им в определение понятий синтаксических синонимов.

Несомненно, следует согласиться с утверждением И.М. Жилина в том, что взаимозаменяемость является одним из важных критериев синонимичности, т.к. именно в ней заключается смысл явления синонимии.

Всего же выделяется 5 критериев для установления синонимичности синтаксических моделей:

1. Возможность взаимозаменяемости синтаксических моделей в одинаковом синтаксическом окружении.
2. Тождественность смыслового значения различных по строению моделей.
3. Адекватность грамматического значения и на этой основе выполнение моделями в структуре предложения одних и тех же синтаксических функций.
4. Общность структурного строения моделей.

5. Охват достаточно большого класса слов, которые могли бы служить для наполнения синонимических моделей.

Наиболее важным считается первый критерий. Он является наиболее общим для многих языков, а другие критерии могут видоизменяться. Поэтому этот критерий можно считать основным.

Дополнительным, косвенным критерием синонимичности моделей может служить возможность перевода каждой из синонимических конструкций языка- оригинала соответствующими синонимичными моделями языка-перевода.

Разработанность вопроса синтаксической синонимии позволяет проводить всевозможные классификации синтаксических синонимов в разных планах и с различных точек зрения. Полная, точная классификация важна и необходима, но она может быть успешно проведена лишь в том случае, если выявлена и описана подробно синонимика моделей. В лингвистической литературе сложились следующие виды классификаций.

Профессор Е.И. Шендельс различает по значению межаспектные и внутриаспектные синонимы. Под межаспектными она понимает выявление всех возможных в языке способов передачи данного значения независимо от того, являются ли они грамматическими или нет. Исходной позицией является при этом факт действительности, претворенной в содержание мысли. Внутриаспектными синонимами являются лишь однородные величины. Внутриаспектные синонимы подразделяются на системные и контекстуальные.

Системными, по мнению Е.И. Шендельс, являются однородные грамматические формы (структуры), «совпадающие в своем основном грамматическом значении и различающиеся дополнительными грамматическими значениями и объемом значений». Грамматические формы (структуры), сближающиеся под давлением контекста в одном из своих грамматических значений, образуют контекстуальные синонимы.

Л.Ю. Максимов рассматривает синтаксические синонимы на уровне сложного предложения, различая однотипные и разнотипные синонимы. Одновременно им проводится стратификация синонимов в структурном плане, где он различает синонимические конструкции одного уровня: а) синонимы на морфологическом уровне; б) синонимы на уровне словосочетаний; в) синонимы на уровне простого предложения; г) синонимы на уровне сложного предложения; д) синонимы на уровне синтагматического членения;

Исходя из вышеизложенного, следует различать следующие типы синонимов:

1. синонимичные модели словосочетаний в строе элементарного предложения;
2. синонимичные модели элементарных предложений;
3. синонимичные модели синтаксических единиц в составе сложного и осложненного предложения;

4. синонимичные модели цельных сложных предложений или более усложненных синтаксических образований.

По объему значений синонимических единиц их классифицируют на межаспектные и внутриаспектные. В стилистическом плане выделяют книжные, разговорные и нейтральные синтаксические синонимы.

Синонимический ряд можно считать определенной подсистемой моделей, которые объединяются благодаря выражению одних и тех же синтаксических отношений разными грамматическими конструкциями. Являясь подсистемой в общей системе синтаксиса, синонимический ряд является открытым, незаконченным образованием, способным на изменения, дополнения, уменьшения в связи с изменениями, происходящими в языке.

Синонимический ряд возникает из такого описания языка, при котором языковые единицы предстают в их важнейших функциях, раскрывая свои синтагматические свойства (лексическую и синтаксическую сочетаемость, типовые контексты реализации основных грамматических категорий и др.). При данном описании языка грамматика предстает как набор языковых средств, необходимых для выражения того или иного понятия. Однако важен не только перечень средств, выражающих определенное содержание, а правила, причины и условия их употребления, т.е. правила функционирования данных средств.

В этом принципе описания языка ясно проявляется функциональность подхода к исследованию языка, что является актуальной задачей в теоретической лингвистике. Еще В. Гумбольдт писал, что «сам язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energia)». Это утверждение имеет важное значение для описания и преподавания иностранного языка.

Для порождения речи на иностранном языке недостаточно знать основной инвентарь языка. Необходимо овладеть закономерностями образования и функционирования языковых единиц. Синтаксические единицы образуются в результате семантического и синтаксического распространения слова. Поэтому значение словосочетания и предложения как основных единиц синтаксиса представляет собой диалектическое единство лексического и грамматического значения.

Из данного нами определения синтаксической синонимии ясно, что собственно о синонимике в синтаксисе речь идет в том случае, когда для выражения данного отношения в языке наличествуют две или более синтаксических конструкции. Набор таких равнозначных или эквивалентных синтаксических конструкций представляет собой синтаксический или синонимичный ряд. Количество членов в том или ином синонимичном ряду может быть различным. Наиболее распространенным случаем является синонимичный ряд, состоящий из двух или трех, реже – четырех, пяти или более членов.

При описании синтаксического ряда профессор Н.Ю. Шведова также выделяет набор конструкций, которые в системе языка обладают способностью взаимозамещения, благодаря их общему грамматическому значению, или способностью употребляться в идентичных функциях. Эта

способность к взаимозамещению, опирающаяся на общность грамматической семантики, получила название у Н.Ю. Шведовой функционально-смысловой соотносительности.

Различают два вида соотносительности: собственно соотносительность и дублетность. Собственно соотносительность представляет собой ни что иное, как синтаксическую синонимию конструкций. Она предполагает возможность взаимозамещения конструкций, объединенных общностью грамматического значения, но различающихся по его оттенкам. Под дублетностью понимается смысловая и функциональная равнозначность конструкций, полностью накладывающихся друг на друга внутри общего грамматического значения. Поэтому синтаксический ряд в толковании Н.Ю. Шведовой можно назвать синонимично-вариативным рядом, т.к. в нем объединяются синтаксические синонимы и варианты.

Е.И. Шендельс указывает на различие синонимов и вариантов: «... различие между грамматическими синонимами и вариантами в следующем. Грамматическая синонимия объединяет различные синтаксические модели, которые отличаются друг от друга как структурой, так и содержанием. Различие в содержании касается системных грамматических значений, обладающих системными регулярными показателями. Значение синтаксических моделей близко, но никогда полностью не совпадает. Варианты модели – это изменения внутри самой модели, не превращающие ее в иную модель. Варианты могут быть значимыми в том случае, если они выражают актуальное членение предложения, стилистико-эмоциональные оттенки и другие несистемные значения. Варианты незначимы, если они связаны с колебаниями грамматической нормы. Незначимые варианты именуется синтаксическими дублетами. Варианты не являются синонимами, т.к. они либо тождественны по значению (дублеты), либо их смысловое различие не затрагивает системных грамматических значений».

Группа синтаксических вариантов составляет вариативный ряд, который отличается от синонимического ряда в синтаксисе. В синтаксическом ряду принято выделять доминанту, синтаксическую конструкцию, которая является основной для всего ряда и определяет его основной характер. Эта конструкция обычно выражает основное и более емкое значение, отличается, нередко, и более широким и универсальным употреблением.

Так, например, в современном английском языке для выражения целевых, причинных, ирреальных, пространственных отношений выявляются различные конструкции, объединяемые в один ряд, называемый синтаксическим, синонимическим. Например:

Синонимический ряд по выражению целевых отношений:

... you had put on that ... costume ... for fun. you had put on that costume for making fun. you had put on that costume for make fun. you had put on that costume so that you could make fun. (W.S. Mangham. Then and now)

Синонимический ряд по выражению причинных отношений:

- John fell silent not knowing what to say.
- John fell silent as he didn't know what to say.
- John fell silent without knowing what to say.

В указанных выше синонимических рядах доминанта представлена придаточным предложением, т.к. эта единица, обладая большими по сравнению с оборотами возможностями выражения информации, способна выступать как в сфере равносубъектных, так и в сфере разносубъектных предложений. Однако не во всех синонимичных рядах можно выделить доминанту. Примером такого ряда в современном английском языке может служить синонимичный ряд из словосочетаний с атрибутивными отношениями.

- The Byron poems
- The poems by Byron
- Byron's poems
- The poems of Byron.

Данный синонимический ряд состоит из конструкций, передающих одно и то же значение – значение принадлежности, авторства. В синонимической соотнесенности членов одного ряда наблюдается явление синонимической асимметрии, которая заключается в том, что в одном частном значении член ряда имеет одного синонимического «партнера», а в другом другого. В данном случае та или иная конструкция по своей семантике многозначна, а поэтому она может входить в различные синонимические ряды. Это явление основывается на соотношении двух планов языковой единицы: плана содержания и плана выражения. Впервые это явление было сформулировано С. Карцевским как «асимметрический дуализм языкового знака». Формально-содержательная асимметрия находится в языке в подвижном состоянии и является источником его изменений. План выражения и план содержания тесно и постоянно взаимодействуют, и их асимметрия является ни чем иным, как манифестацией этого взаимодействия.

К категории языковой асимметрии относятся синонимия, полисемия и омонимия. Синонимия с точки зрения формально-содержательной асимметрии – это соответствие одного элемента содержания нескольким элементам выражения. Полисемия противостоит синонимии и составляет соответствие одного элемента выражения нескольким элементам одного понятийного содержания. Омонимия – это совпадение в одном элементе выражения двух или более элементов разного категориального содержания.

Проблема синонимии – это, в первую очередь, проблема взаимоотношений формы и значения языкового знака, формы и значения в языке вообще. Это несоответствие формы и значения языкового знака проявляется в том, что одной языковой единице могут соответствовать несколько компонентов содержания, что порождает многозначность языка. И наоборот. Одно содержание может выражаться различными формами, что, в свою очередь, порождает синонимию.

Возможность объединения определенных конструкций в синтаксические поля обусловлена наличием между ними реальных семантических и функциональных связей, в которых отражаются связи между соответствующими отношениями объективной реальности. Однако синтаксическое поле искусственно (в теории) копирует те связи между синтаксическими структурами, которые реально существуют в мышлении носителей языка. Для выделения синтаксического поля необходимо выделение ряда синтаксических единиц, «различающихся в плане выражения, но частично или полностью совпадающих в плане содержания, т.е. имеющих общие инвариантные семантические свойства. Семантическая инвариантность предполагает и функциональную близость, тесное функциональное взаимодействие в определенной синтаксической сфере. Сближающиеся в плане содержания синтаксические модели, образуя поле, обслуживают общий участок языка».

Синтаксические поля подразделяются на макро- и микрополя, состоящие из синтаксических единиц как одного, так и нескольких ярусов, обладающих сходной синтаксической семантикой, например, глагольное словосочетание *to construct the bridge* и субстантивное словосочетание *the construction of the bridge*.

Значение синтаксического макрополя, общего для всех его конститuentов, включает в себя ряд более частных подразделений, каждое из которых ограничивается от другого и противопоставлено ему. Наличие подзначений создает предпосылки для членения синтаксического макрополя на более мелкие микрополя. Синтаксические микрополя, как более частные семантические группировки внутри синтаксического макрополя, образуют разноструктурные модели, имеющие одинаковые подзначения.

В микрополях выделяют конститuentы, которые представляют собой группу синтаксических речевых единиц, возникших в результате конкретной реализации одной и той же структурной модели и объединяемых общностью свойственного им синтаксического содержания. Конститuentы одного и того же микрополя связаны между собой отношениями синтаксической синонимии.

Непосредственными источниками синтаксической синонимии являются:

- 1) многозначность синтаксических единиц, т.е. сложность смысловой структуры, состоящей из компонентов этих значений (называемых семами);
- 2) новообразования в синтаксисе особых конструкций, выполняющих функции, сходные с имеющимися единицами и подстраивающихся к ним в качестве их синтаксических эквивалентов;
- 3) наличие разных способов распространения синтаксических единиц и возможности трансформации одного способа в другой;
- 4) лексическая синонимия строевых элементов словосочетания и предложения, т.е. синонимия предлогов и союзов и новообразование предложных речений.

Вопросы многозначности рассматривались в связи со сложностью семантической структуры и возможностью построения синонимического ряда и синтаксического поля синтаксических конструкций.

Для разрешения образования синтаксических конструкций необходимо рассмотреть сначала способы распространения синтаксических единиц в современном английском языке. Однако разрешение вопроса распространения зависит от определения полноты синтаксической единицы и ее способности распространения. Очевидно, очень важным моментом в разрешении этого вопроса является понимание синтаксических единиц, определение их структуры. Поэтому вопрос о степени полноты синтаксических единиц и способах их распространения приобретает существенное значение как для исследования синтаксического строя языка вообще, так и для изучения его синтаксической синонимии. Среди многих единиц синтаксиса выделяются основные синтаксические единицы, которые служат базой для создания из них всех остальных образований. Так в синтаксисе выделяют следующие основные синтаксические единицы: словосочетание, обособленный оборот, самостоятельный оборот, элементарное предложение.

На базе основных синтаксических единиц выделяются синтаксические единицы функционального плана: члены предложения, функции, позиции, синтагмы, различные синтаксические группы. Таким образом, в каждой синтаксической единице выделяется ее максимальная и минимальная величина. Основные синтаксические единицы служат материалом для построения других сложных синтаксических образований: усложненных предложений, сложных предложений и абзаца. Все эти виды синтаксических образований представляют собой набор основных синтаксических единиц в различных, допустимых грамматическими нормами данного языка комбинациях.

2. Инверсия

Инверсия — обычное явление в английском языке и наиболее характерна для вопросительной формы предложения. Слово инверсия переводится с латыни как перестановка или переворачивание, а в грамматике английского языка означает изменение установленного порядка слов в предложении. Стандартный порядок слов в английских утвердительных предложениях — сначала подлежащее, затем глагол-сказуемое (subject + verb + . . .). Однако в определенных ситуациях, когда мы хотим подчеркнуть определенное слово или выражение в предложении, или придать этому предложению более эмоциональное звучание, мы используем то, что называется инверсией. Инверсия – это нарушение обычного порядка слов в предложении: сначала следует сказуемое (вспомогательный или модальный глагол, наречие и т.д.), потом – подлежащее. (verb + subject)

В современном английском языке традиционный порядок слов предложения выглядит следующим образом: подлежащее, сказуемое,

дополнение, другие члены предложения. Согласно И. Р. Гальперину, традиционный («нейтральный») порядок слов – это порядок слов, не преследующий какой-либо особой дополнительной цели сообщения. Поэтому изменение порядка слов, что и называют инверсией, несет в себе экспрессивно-стилистическую функцию. Лингвисты различают грамматическую и стилистическую инверсию. Грамматическая инверсия не несет никакой стилистической окраски, она выражает общие грамматические правила. Данная инверсия меняет традиционный порядок слов в предложении, но такую перестановку принято считать узуальной, не отходящей от норм английского языка.

Грамматическая инверсия в английском языке характерна как для литературного языка, так и для официально-делового стиля. В основном грамматическая инверсия используется для построения вопросительных предложений, но также она присутствует в некоторых конструкциях в повествовательных предложениях:

“Was there such a thing? – Была ли она вообще?”. Также лингвисты к грамматической инверсии относят предложения с конструкцией *There is/are*: “There’s also a nuclear weapon stuck in a field in Faro, North Carolina, because of another time the Air Force screwed up; that bomb came extremely close to detonating. – Кроме того, еще одна бомба находится на поле в Фаро, Северная Каролина”.

Грамматическая инверсия также бывает в комбинации с наречиями. К наречиям, используемым для передачи инверсии, можно отнести *hardly*, *barely*, *no sooner*, *never*, *rarely*, *seldom*, *nothing*, *little* и другие: “Little is known about what Yeltsin said, but these may have been some of the most dangerous moments of the nuclearage. – О том, что сказал Ельцин, известно довольно мало, однако это, вероятно, были самые опасные моменты ядерной эпохи”.

Стилистическая инверсия как отклонение от прямого словопорядка меняет не грамматическое значение предложения, а его эмоциональность. Она наделяет значение высказывания логическим ударением или эмоциональной окраской. Поэтому ей присуща определённая интонационная шкала. Усилительная инверсия полу- регламентирована, не меняющая грамматическое значение предложения.

Never have I seen such a play – Никогда я не видал такой постановки

*Only then did I realize how wrong I had been –
Лишь тогда я понял свою неправоту*

Инверсия - английский стилистический синтаксический приём обратного порядка слов. Некоторые изменения порядка слов изменяют синтаксические отношения, а с ними и весь смысл предложения, другие сочетают грамматическую и экспрессивную функции. Общая стилистическая

функция обычно выявляется из более широкого контекста, чем предложение. Стилистическая функция инверсии иногда не может быть выявлена только взаимоположением частей предложения, хотя именно это взаимоположение частей и подсказывает особый оттенок значения всего высказывания.

Стилистическая инверсия в современном английском языке, таким образом, является реализацией потенциально возможного. Эти потенциально возможные способы размещения членов предложения в тех или иных стилистических целях можно ограничить следующими наиболее общими случаями:

1. Дополнение ставится в начале предложения.
2. Определение следует за определяемым словом (постпозиция определений). Например: *With fingers weary and worn.*
3. Именная часть сказуемого стоит перед подлежащим: *A good generous prayer it was.*
4. обстоятельство стоит перед подлежащим предложения: *Eagerly I wished the morrow.*
5. обстоятельство и сказуемое стоят перед подлежащим предложения: *In went Mr. Pickwick.*

Поэтические произведения содержат значительно большее количество типов инверсии, нежели произведения прозаические, хотя любые типы инверсии появляются как в прозаических, так и в поэтических произведениях. Однако требования ритма и рифмы могут в некоторых случаях вызвать инверсию. В этих случаях инверсия несет особую функцию - ритмико-эвфоническую. В подлинно художественном произведении использование инверсии всегда мотивировано целью высказывания. Иногда эта цель высказывания может сочетаться в поэтическом произведении с определенными требованиями ритмической организации стиха, но она всегда остается ведущей.

В прозе инверсия нередко придает особое ритмическое звучание предложению. Однако, в отличие от поэтических произведений, в прозе не ритм вызывает инверсию, а инверсия, мотивированная целью высказывания, может придать ритм предложению. Так в следующем предложении из "The Titan" Драйзера положение предикатива "Healthy man" вначале вызвало более сильное ударение на глаголе-связке "were", придавая всему высказыванию определенный ритмический рисунок:

"Healthy men they were, in blue or red shirt-sleeves, stout straps about their waists, short pipes in their mouths, fine, hardy nutty brown specimens of humanity".

Интересны функции инверсии в следующем примере из "Little Dorrit" Диккенса:

"Bright the carriage looked, sleek the horses looked, gleaming the harness looked, luscious and lasting the liveries looked".

На первый взгляд может показаться, что основной стилистический прием, использованный в этом предложении и придающий ему определенную эмоциональную окраску, - это повтор слова "looked". Однако при более внимательном анализе видно, что повтор здесь выступает не в

своей основной стилистической функции, а в дополнительной - в функции фона, на котором отчетливее выступают, вынесенные на первое место обстоятельственные слова "bright, sleek, gleaming, luscious and lasting", они являются основным средством стилистического воздействия на читателя. Интересно отметить, что когда повтор имеет функцию усиления, то предложение подсказывает соответствующую эмфатическую интонацию, когда же повтор имеет функцию фона, как в данном примере, то повторяемые слова не имеют эмфатической интонации. Интонация во всех случаях - падающая.

Анализируя разнообразные стилистические функции инверсии, необходимо иметь в виду, что всякая перестановка, нарушающая, в большей или меньшей степени, привычный порядок слов, влечет за собой либо изменение логического содержания предложения, либо сообщает дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию. Как было указано выше, это главным образом связано с тем, что в литературном английском языке, имеющем длительную историю развития, постановка главных и второстепенных членов предложения более или менее локализуется.

В современном литературном английском языке за инверсией постепенно закрепляется стилистическая функция выделения одного из членов высказывания в логическом плане, либо выделение всего высказывания в целом в эмоциональном плане. Как правило, в современном английском языке инвертированный порядок слов, преследующий стилистические цели, - достояние письменного типа речи. Редко можно встретить перестановки атрибутивно-предикативные в устной речи даже возбужденного характера. Наконец, возможны изменения порядка слов, которые не меняют грамматического значения и не связаны с экспрессивностью или эмоциональностью, а имеют функционально-стилистическую окраску. К таким принадлежит, например, отнесение предлога в конец предложения, возможное только в разговорном стиле.

В книжной речи аналогичный эффект создается, напротив, оттягиванием: психологически важный элемент ставят в конце предложения, чем создается некоторое напряженное ожидание, поскольку читатель не получает привычного ему указания на предмет речи в начале сообщения.

С точки зрения стилистического анализа интересна только инверсия экспрессивного, или эмоционального, или стилистически функционального характера, а не всякое необычное размещение слов. Условность деления на изобразительные и выразительные средства обнаруживается и здесь. Как указано выше, синтаксические средства имеют по преимуществу выразительную функцию, но они могут быть и изобразительными.

Так, многочисленные случаи инверсии в "Приключениях Алисы в стране чудес" передают стремительность действия в описываемых событиях: "She felt that she was dozing off, and had just begun to dream that she was walking hand in hand with Dinah.. when suddenly, thump! Thump! Down she came upon a heap of sticks and dry leaves, and the fall was over.

Alice was not a bit hurt, and she jumped up on her feet in a moment: she looked up, but it was all dark overhead; before her was another long passage and the white rabbit was still in sight hurrying down it. There was not a moment to be lost: away went Alice like the wind".

Инверсия в случае "down she came" и "away went Alice" показывает неожиданность падения и стремительность бега Алисы и потому является стилистически релевантной. Иначе обстоит дело с инверсией "before her was another long passage". Она является результатом того, что предложение начинается с обстоятельства места. Порядок слов соответствует движению от данного, к новому, от темы к реме, то есть соответствует актуальному членению предложения и, следовательно, оказывается стилистически нейтральным.

В тех случаях, когда такой порядок нарушен, то есть при начальном положении ремы, ее, как логический предикат, выделяет усиленное ударение, что превращает интонацию в эмфатическую. Инверсия может получить экспрессивность также в случаях, когда она вызывает представления о тех контекстах, для которых соответствующее расположение слов является обычным.

Постпозиция прилагательного в прозе придает стилю торжественность, приподнятость или музыкальность. Экспрессивная или функционально-стилистическая окраска инверсии характерна преимущественно для прозы, поскольку в стихах порядок слов подчиняется ритмико-интонационной структуре стиха, а расположение компонентов синтаксических конструкций относительно свободно.

3. Переосмысление, или транспозиция синтаксических структур

Одной из основных классификаций предложений в синтаксисе является, как известно, классификация по цели высказывания на повествовательные, вопросительные, восклицательные и побудительные. Известно также деление предложений на утвердительные и отрицательные. Каждый из этих разрядов имеет свои формальные и интонационные признаки. Каждый может, однако, встретиться и в значении любого из остальных, приобретая при этом особое модальное или эмоциональное значение, экспрессивность или стилистическую окраску.

Так, например, утвердительные по форме предложения могут использоваться как вопросы, если спрашивающий хочет показать, что он уже догадывается о том, каков будет ответ, и ему это не безразлично. Они также могут служить как побуждения к действию. Так называемые риторические вопросы служат эмфатическим утверждением, а повелительные предложения могут иногда передавать не побуждение к действию, а угрозу или насмешку. Все эти сдвиги, т.е. употребление синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях и с дополнительными коннотациями, называются транспозицией.

Рассмотрим сначала транспозицию повествовательного предложения с превращением его в вопрос. Такая транспозиция с очень разнообразными коннотациями получила довольно широкое распространение в разговорной речи.

В пьесе П. Шафера «Упражнение для пяти пальцев» простоватый, но прямодушный мебельный фабрикант Стэнли и его жена, мещанка, полная претензий на высокую культуру и вкус, борются за влияние на девятнадцатилетнего сына Клайва. В приведенном ниже диалоге можно рассмотреть разные типы вопросов с прямым порядком слов:

Louise (brightly, putting her husband in his place): Who was in it, dear? Lawrence Olivier? I always think he is best for those Greek things, don't you? ... I'll never forget that wonderful night when they put out his eyes — I could hear that scream for weeks and weeks afterwards everywhere I went. There was something so farouche about it. You know the word, dear, farouche? like animals in the jungle.

Stanley (to Clive): And that's supposed to be cultured?

Clive: What?

Stanley: People having their eyes put out.

Clive: I don't know what «cultured» means. I always thought it has something to do with pearls.

Louise: Nonsense, you know perfectly well what your father means. It's not people's eyes, Stanley; it's poetry. Of course I don't expect you to understand.

Stanley (to Clive): And this is what you want to study at Cambridge, when you get up there next month?

Clive: Yes, it is, more or less.

Stanley: May I ask, why?

Clive: Well, poetry's its own reward, actually — like virtue. All art is, I should think.

Stanley: And this is the most useful thing you can find to do with your time?

Clive: It's not a question of useful.

Stanley: Isn't it?

Clive: Not really.

Транспозиция, т.е. прямой порядок слов в вопросах Стэнли (*And that's supposed to be cultured?* и *And this is what you want to study at Cambridge?*), насыщает эти вопросы иронией и даже сарказмом. Практичный Стэнли озабочен будущим сына, и природный здравый смысл помогает ему видеть уязвимость снобов и их показной культуры, которой так кичится Луиза. Прямой порядок слов свидетельствует о том, что спрашивающий догадывается, каким может быть ответ, позиции сына и жены ему известны, пользуясь оружием иронии, он хочет показать им всю нелепость их претензий.

В подобных вопросах, касающихся намерений собеседника, обычны глаголы *want, wish, hope, suppose, suggest, believe* и другие глаголы этой же идеографической группы. То, что спрашивающий уже составил свое мнение,

может передаваться такими глаголами, как *suppose, think, guess*. Несколько раньше в той же сцене Стэнли спрашивает сына: *You like the idea, I suppose?* Иной, подбадривающий характер имеют коннотации в вопросах Луизы, она хочет показать, что они с сыном хорошо понимают друг друга, они единомышленники. Отсюда — первый расчлененный, подсказывающий вопрос, побуждающий к поддержке и подтверждению: *I always think he's best for these Greek things, don't you?*, и вопрос о французском слове *farouche*. Луиза щеголяет французским языком и подчеркивает, что и сын ее, подобно ей, принадлежит к элите — знает языки, разделяет ее восторги по поводу игры Лоренса Оливье. Такие вопросы, подбадривающие слушателя, ожидающие подтверждения его понимания, содержат обычно глаголы *know, understand, see, get the point, perceive* и т.д.

Обратимся теперь к транспозиции обратного направления, т.е. к превращению вопроса в эмфатическое утверждение. Это так называемый риторический вопрос — наиболее изученная в стилистике форма транспозиции. Риторический вопрос не предполагает ответа и ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. Функция риторического вопроса — привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Ответ в нем уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод.

Риторический вопрос встречается во всех стилях речи, но имеет в каждом из них несколько специфическую функцию. LVII сонет Шекспира о беспредельной преданности возлюбленной начинается с эмоционального вопроса, который в действительности является утверждением:

Being your slave, what should I do but tend

Upon the hours and times of your desire?

С.Я. Маршак и переводит его утверждением:

Для верных слуг нет ничего другого,

Как ожидать у двери госпожу.

Синтаксическая форма оригинала больше передает ироническую грусть и нежность.

В известной парламентской речи Дж. Байрона против билля о смертной казни для разрушителей машин ораторское использование риторических вопросов выражает едкий сарказм, негодование и вместе с тем соответствующую ситуации приподнятость.

В пьесе «Святая Иоанна» Б. Шоу дает остросатирическую характеристику английскому лжепатриотизму, когда каноник «с бычьей шеей» восклицает: «*How can what an Englishman believes be heresy? It is a contradiction in terms.*» Эмфатическое утверждение в данном случае принадлежит не автору, а персонажу.

В разговорном стиле речи и соответственно в драматическом диалоге риторический вопрос передает иронию, насмешку, возмущение и осложняется расчлененной формой:

Gordon: Well, I don't see it. And I know Betty better than you do.

Fredda (bitterly): You know everybody better than anybody else does, don't you?

Gordon: You would say that, wouldn't you? I can't help it if Martin liked me better than he liked you. (J.B. Priestley. *Dangerous Comer*)

Характер риторического вопроса здесь более сложный. Фреда и Гордон ревнуют Мартина друг к другу. Фреда обижена утверждением Гордона, будто он лучше знал Мартина, чем она, и был к нему ближе; именно об этом говорит ее вопрос, подчеркивающий самообольщение Гордона. Его встречный вопрос парирует иронию Фреды. Реплика Гордона *you would say that* соответствует русскому *это в твоём духе, это так на тебя похоже*.

Использованный в расчлененном вопросе глагол имеет очень большое значение для характера передаваемой эмоции. Сравнивая *You do speak English, don't you?* и *You can speak English, can't you?*, мы видим, что во втором случае не только выражается надежда, что спрашиваемый говорит по-английски, но и заранее неодобрительно оценивается случай отрицательного ответа. Введение вопроса союзом *or* говорит о неуверенности говорящего, о его сомнении в правильности предположения: *You can speak English... or can't you?*

В тех случаях, когда в расчлененном вопросе имеется перекрестное употребление утвердительной и отрицательной формы, говорящий предлагает собеседнику выразить согласие со сказанным. Если такого перекрестного употребления нет, вопрос имеет подбадривающий или, напротив, саркастический характер: *So you are that very person, are you?*

Разновидности расчлененных вопросов хорошо изучены, и мы остановились здесь на них только для того, чтобы подчеркнуть, что синтаксис разговорной речи располагает большим разнообразием форм вопроса, которые в других стилях неупотребительны.

В научном стиле речи важную роль играет использование вопроса, похожего на риторический вопрос, но не вполне тождественного ему. Это вопрос, сопровождающийся ответом и вовлекающий читателя в рассуждение автора, заставляющий его думать вместе с ним. Приблизительно то же самое, хотя и с большей долей эмоциональности, происходит в публицистическом тексте.

Поэтому ниже приводится отрывок из уже цитированной книги Н. Винера, который трактует тему, общую для науки и публицистики, и может служить иллюстрацией обоих стилей:

There is nothing more dangerous to contemplate than World War III. It is worth considering whether part of the danger may not be intrinsic in the unguarded use of learning machines. Again and again I have heard the statement that learning machines cannot subject us to any new dangers, because we can turn them off when we feel like it. But can we? To turn a machine off effectively, we must be in possession of information as to whether the danger point has come. The mere fact that we have made the machine does not guarantee that we shall have the proper information to do this. This is already implied in the statement that the checker-playing machine can defeat the man who has programmed it, and this after a very

limited time of working in. Moreover, the very speed of operation of modern digital machines stands in the way of our ability to perceive and think through the indications of danger...(N. Wiener. *Cybernetics*)

Рассуждение начинается с риторического по форме вопроса, который делает читателя активным, заставляет его задуматься над новым аспектом основной проблемы современности. Затем приводится широко распространенное и беспечное заявление о том, что машину всегда можно выключить, и, наконец, прямой вопрос ставит это утверждение под сомнение, а ответ на вопрос показывает его несостоятельность. Так, еще один из великих ученых современности предупреждает о том, как опасен джинн, выпущенный из бутылки науки.

Транспозиция вопросительных предложений возможна не только по типу риторического вопроса с переходом в эмфатическое утверждение, но и с переходом в побудительные и восклицательные предложения, обязательно более экспрессивные, чем формы без транспозиции. Простое повелительное наклонение, даже смягченное словом *please*, звучит для английского уха слишком грубо. Вежливая просьба требует вопросительной конструкции. Например: *Open the door, please* превращается в *Will you open the door, please* или *Would you mind opening the door* или в косвенный вопрос: *I wonder whether you would mind opening the door*. Даже рассердившись, персонаж из пьесы Дж. Осборна кричит своим соседям: «*Do you mind being quiet down there, please!*»

Выше уже приводился пример восклицательного предложения, построенного как вопросительное и весьма эмфатичного:

«*Boy! Did I gallop!*» В разговорном стиле подобный тип транспозиции встречается как в английском, так и в русском языке:

Am I tired! — Как я устал! *Aren't you ashamed of yourself!* — Не стыдно тебе! *Wasn't it a marvellous trip!* — Ну, не замечательная ли поездка! *What on earth are you doing!* — Что ты, черт возьми, делаешь! Нетрудно видеть, что в некоторых случаях экспрессивность имеет чисто синтаксическую природу, а в других усиливается лексическими средствами.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение синтаксической синонимии
2. Что такое инверсия? Приведите примеры
3. Назовите основные функции транспозиции синтаксических структур
4. Опишите транспозицию вопросительных предложений. Приведите примеры

Рекомендуемая литература

1. Одинцов В. В. *Стилистика текста*. – М.: УРСС, 2004.

2. Пъеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Разинкина Н.М. Практикум по стилистике английского и русского языков. – М.: Высшая школа, 2006.
4. Разинкина Н.М. Стилистика английского научного текста. – М.: Едиториал УРСС, 2005. –216 с. Leech G.A. Linguistic Guide to English Poetry. – London, 1969.
5. Leech G.A., Short M.H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. – Longman, 1981.
6. Levin S. Linguistic Structures in Poetry. – The Hague, 1962.
7. Crystal D. The English language. – London: Penguin Books, 1990.